11 2005

О ре-формировании критического знания

Alex Demirovic

Перевод с англ. Александра Скидана под редакцией Алексея Пензина

В семидесятые годы Фуко мог придти к диагнозу, что университеты превратились в сверхчувствительные зоны благодаря приумножению и усилению их властных воздействий, так как через университеты проходят практически все интеллектуалы (ср. Фуко 1977). Сегодня, по прошествии тридцати лет, властные воздействия университетов, безусловно, нисколько не ослабли, а в некоторых отношениях скорее даже усилились, но при этом изменилась расстановка сил; несмотря на все дискуссии вокруг меж-, транс- и пост-дисциплинарности, борьба сегодня едва ли ведется за научно и теоретически звучащую программу дисциплин, за предметы, которые следует преподавать, исследовательские проекты, которые следует запустить, или соответствующие университетскому уровню преподавательские позиции, которые следует

заполнить квалифицированными кадрами. Касающиеся этих процессов ожидания свелись к общему демонтажу потенциальных возможностей: урезать расходы – значит управлять. Происходящие в университетах изменения действенным образом редуцированы до очередного изменения условий работы критически настроенных интеллектуалов и форм знания, присущих критической материалистической теории. Прежде всего, неоспоримый факт заключается в том, что поколение преподавателей, назначенных на волне экспансии университетов в конце 1960-х, сейчас уходит. Это позволяет университетскому руководству положить конец или, по крайней мере, на долгое время и более решительным образом, чем в прошлом, обескровить проект критической социальной теории, нанимая на работу верноподданнически настроенных ученых. Становится все менее возможным удерживать структурные контексты дискуссии в университетских стенах. Модульные учебные программы превращают университет в разновидность школы, а нацеленность образования на диктуемую рынком труда практическую ценность, равно как и сопутствующее введение курса обучения на бакалавра гуманитарных наук и платы за это обучение, вынуждает студентов оперативно и без критической рефлексии усваивать канонизированный корпус знания. Пространство для самоопределения и самостоятельного

приобретения знаний, диктуемого собственной любознательностью и вырастающими из самого материала концептуальными вопросами, сужается на глазах. Вдобавок к этим изменениям, университеты подстраивают под конкуренцию. В результате чего дисциплины, учебные программы и преподаватели оцениваются и гомогенизируются в соответствии с общими стандартами качества. В ходе этой конкуренции задания и критерии динамически идут еще дальше, превращая оценку в перманентное установление. Все это приводит к разрастанию администраций, а также к неустанным усилиям по поиску финансирования извне. Добавьте к этому последствия модульного преподавания и увеличивающегося числа экзаменов, так что многим университетским преподавателям попросту не остается времени на научную работу. Помимо снижения общего уровня этой работы, со временем это приведет и к понижению научных стандартов самого преподавания.

Критической материалистической теории общества стало труднее – если вообще не невозможно – воспроизводить себя в университетских стенах. Вместе с реорганизацией академического поля знания распался и его альянс с критической теорией. Во многих дисциплинах, таких как экономика и юриспруденция, или литературоведение,

психология и философия, где формирование критической теории, по меньшей мере, находилось в процессе зарождения, оно по большей части исчезло; в других, – таких как социология, политология или история, – его отодвинули на обочину. Это не означает, разумеется, что нет отдельных личностей, которые вносят вклад в критическую материалистическую теорию. Однако, судя по всему, даже они могут делать это только как побочную работу, не связанную с их основной деятельностью в качестве передатчиков во многом заранее установленных модульных элементов знания, оценщиков, подателей заявок на гранты, управляющих и администраторов от науки. Критическая работа возникает по большей части как дополнение к другим занятиям, она передвинута на внерабочее время и не приводит к сколько-нибудь вразумительной связи между преподаванием, дискуссиями, продвижением по службе младших сотрудников, формированием теории и эмпирическим исследованием.

Если мы посмотрим на эту проблему не с точки зрения университета, а изнутри традиций и эпистемологических форм самой критической теории – идущей от Гельвеция и Кондорсе, де Гуж[i] и Уолстонкрафт[ii] и через Вейтлинга[iii] и Маркса, Люксембург и Лукача, Грамши, Хоркхаймера, Адорно, Сартра и де Бовуар ведущей к Альтюссеру, Фуко, Делезу и многим

другим, которых я не имею возможности здесь перечислить, – то вопрос будет другим. Ведь, рассуждая самым общим образом, невозможно сомневаться, что в обществе, пронизанном социальными антагонизмами, с принудительным прибавочным трудом, присвоением частными лицами общественного труда, поляризацией бедных и богатых, с остающимися нерешенными экологическими проблемами, с криминализацией и психиатризацией, с процессами, которые ведут к демонтажу демократии, с эксплуатацией «глобального Юга», критика и критическая теория продолжат свое существование. А вот то, что исторически было чем-то само собой разумеющимся – их объединение с университетом – нет. Область проблем критики, ее рабочих понятий, критериев релевантности, специфических объектов и способа теоретико-эмпирического анализа появится в будущем. Возникнет новая эпистемологическая форма, для которой, как для многих общественных констелляций, релевантной моделью, по-видимому, станет сеть (ср. Болтянски/Чиапелло 2005), иными словами, во многом интер- и транснациональная взаимосвязь интеллектуальных дебатов и пост-дисциплинарной теоретической и политической работы, сочетающей в себе концептуальную рефлексию, эмпирическое исследование, систему информирования и новые формы культурной практики, включающей в себя отдельных ученых в университетах, равно как

журналистов, редакторов журналов, независимые исследовательские группы и институты, активистские исследовательские контексты, неправительственные организации и научные центры. Жизнь выбирает прерывистые пути, и поле работы меняется. Работа часто осуществляется в рамках проектов, с более короткими, или длинными, сроками занятости, научная работа входит в политическую и наоборот, имеет место большая мобильность и гибкость относительно передвижения в пространстве, социальных контактов, тематических направлений и деятельности. Университет по-прежнему играет здесь свою роль, поскольку он делает доступными ресурсы и средства, а отделения университетов подключены к этим сетям и проектам. Но университет теряет свое значение в качестве места, где производится и воспроизводится критическое знание. Маргинализация и исключение критических подходов – не последний по важности фактор в уменьшении интернациональности университета и его способности к обновлению.

Тем не менее, односторонним было бы подчеркивать только положительные аспекты. Ущерб также очевиден. Происходит прекаризация интеллектуальной и критической работы; вместо планирования жизни и вынашивания гарантированных ожиданий, теперь необходимо заниматься сложным

менеджментом, налаживанием эмоциональных связей с далекими и разбросанными по всему миру партнерами, друзьями, коллегами. Даже мобильность в пространстве, и та зависит от непредвиденных обстоятельств, от средств, которые могут оказаться недоступными. Это ограничивает и ставит под угрозу возможности поддерживать контакты, общаться и сотрудничать. Те, кто вовлечен в интеллектуальную работу, зачастую могут заниматься ею только побочно, в неурочное время от приносящей доход основной работы, либо вынуждены часто и быстро переходить от одного проекта к другому. Чтобы получить средства, требуются огромные усилия, что, в свою очередь, ограничивает пространство, посвящаемое самой работе над соответствующим проектом. Финансирование же самих проектов часто недостаточно и нередко выделяется на слишком сжатые сроки, за которые их нереально осуществить. Формирование теории и эмпирическое исследование, нередко заказываемое клиентами, близкими к политическим партиям, профсоюзам или к неправительственным организациям, угрожают стать недолгими.[1] Устойчивые навыки и компетенция могут и не развиться в условиях, когда быстрая смена проектов и тематических областей побуждает, напротив, к поверхностному ознакомлению, избеганию слишком тесных связей с обретенным знанием, не говоря уже об опыте. Из требования уметь

быстро ознакомиться с различными областями вырастает опасность дилетантизма; в то же время, не существует больше социального локуса исследования, которое занималось бы всесторонним изучением своего предмета. Методологические проблемы тоже весьма серьезны: разложение порядка дисциплин имеет дезориентирующее воздействие, канон знания и система референций становятся нестабильными. Теория склоняется к эмпиризму по мере того, как многочисленные теории отдельных сфер общества и логики действий создаются без всякой надежды на то, что их можно будет свести к одной универсальной логике, будь то экономика или язык, отбрасывая саму проблему их взаимосвязи. Если предпосылка заключается в том, что теории суть лишь инструменты, пригодные для изучения конкретного объекта, отказ от попытки мыслить взаимосвязь целого подразумевается сам собой.

Однако теории – это нечто существенно иное, чем просто инструмент; это форма, которую принимает мышление, раскрывая мир еще до всякого действия, с тем, чтобы задать направление и меру, установить для этого действия стандарты и границы. Из страха – впрочем, не безосновательного – тотализации теории, сведения ее сложных отношений к определенным аспектам, проект критической социальной теории с самого начала приносится в жертву так понимаемым теориям и наукам; ее

возможности, говорят нам, крайне ограничены – утверждение, которое не было бы ложным, будь оно дополнено осознанием того, что границы практики – еще уже. Но существует и противоположная опасность: для того, чтобы не потерять из виду взаимосвязанное целое, а также из-за отсутствия ресурсов (людей, времени, денег, компетенции, исследовательских институтов), создаются сомнительные исследовательские центры, которые, словно бы одним поворотом метафизического ключа, призваны дать объяснение всему спектру общественного развития. Например, часто упускается из виду тот факт, что экономизм и сам являлся практикой рационального знания, хотя, безусловно, и имевшей свои ограничения, в той мере, в какой он формировал систему приоритетов для небольшого научного сообщества. Поэтому неслучайно, что только с постепенным внедрением критического социологического знания внутри университетов политические и культурные модальности авторитета и власти тоже стали предметом тщательного изучения. Все это – невразумительный структурный контекст дискуссии, непостоянная работа, недостаток материальных средств, методологический и эпистемологический обман – суть условия, пагубные для интеллектуальной работы.

Существует ли единая точка зрения, которая охватывает исторические стадии формирования

интеллектуальной и критической теории и эпистемологических форм – критику религии и нравов, публицистику, критику политической экономии в соответствии с определенной партийной линией, культурно-критический нонконформизм интеллектуалов, снискавший поддержку в университете, и, наконец, зарождающуюся на наших глазах новую форму сетевых, пост-дисциплинарных, номадических критических практик? Речь идет не просто об описании четырех-пяти стадий, пройденных социальной критикой; напрашивается вопрос: как обстоит дело с освободительной движущей силой, как обстоит дело с прогрессом освобождения? Вся традиция критической мысли видела эту движущую силу и этот прогресс в таком государстве, где все будут иметь доступ к общественным условиям производства универсального знания; все будут иметь возможность обрести необходимые для интеллектуальной работы компетентность и способности и смогут их реализовать; никому не будет отказано в счастье и радости познания – и в понимании того, что, в конечном счете, дабы достичь этой цели, необходимо будет полностью изменить общественное разделение труда. Во времена кризиса производства и воспроизводства критического знания (как в случае экономического кризиса) происходит реорганизация интеллектуального производства, переход на новый, более высокий уровень его социализации и кооперации (см. в этой связи

O'Connor 1988). Международная кооперация, несомненно, расширилась, и в Европе сформировались транснациональные исследовательские сетевые связи и каналы обмена; само собой разумеется, что интеллектуалы с Юга участвуют в общемировых научных дискуссиях и вносят свой вклад в исчезновение трансатлантической монополии Севера на науку. Сходным образом, феминистские, гендерные и «квир» теории (исследующие гомосексуальные и лесбийские культуры) потеснили критическую теорию общества с ее позиций, и их воздействие продолжает сказываться. Все больше и больше людей втягиваются в систему высшего образования, причем женщины не уступают здесь мужчинам ни по числу, ни по успеваемости. Несмотря на общий культ молодости, формализованное обучение больше не ограничивается исключительно молодыми по возрасту людьми. Науки утрачивают способность отстаивать линейное и строго объективное знание, они теряют авторитарную власть принуждать к единомыслию и превращаются в поле разногласий. По мере того как науки осознаются в качестве социальной и политической власти в научно опосредованных процессах повседневной работы и жизни, возникают споры об их смысле и статусе. Против дисциплинарного подчинения научного знания строгим правилам, регулирующим то, что может быть сказано, а что – нет, поднимается

критическая практика научной работы и знания. Демаркационные линии, прочерченные университетом между науками и жизнью обычных людей, неспециалистов, стремительно теряют свою убедительность. Это становится проблемой, когда к науке и рациональности начинают относиться с презрением; когда любое общепринятое религиозное убеждение или обыденное представление, спиритуализм и религия могут, ради повышения собственного статуса, в анти-интеллектуальной манере отбросить теоретический систематический анализ как простое навязывание мнения. Вместе с тем, этот распад может обрести освободительное значение, когда обыденное представление попадает под давление научного доказательства и теряет силу, лежащую в его мнимом понимании «само собой разумеющегося». Даже знание на продажу, знание в условиях культурной индустрии, может возыметь демократизирующее воздействие, потому что в качестве продаваемого товара оно одинаково доступно для всех и теряет часть своей академической сакральной ауры. Подобно тому, как его качество должно выдержать непрерывную переоценку, знание также открыто критике его дисциплинарной программы, его канона, его теорий и гипотез, способа, каким оно передается. По-видимому, развитие обществ внесло свой вклад в исчезновение привилегированных зон для критической теории и познания. Кто станет отрицать, что это влечет

за собой угрозу – вновь, и еще более фундаментальным образом, чем в 1930-х – ослабить условия возможности для существования «естественных» субъектов разума, равно как и потенциала критической теории? Но в то же время множатся и отправные точки для освободительной политики истины; для борьбы с привилегией образования и основополагающей формой общественного разделения труда: а именно, с разделением на умственную и физическую работу; для производства и утверждения критического теоретического знания. Одно из совершенных на ранних стадиях критического знания открытий в том и состоит, что это критическое знание и само не является чем-то непроблематичным и данным; что сохранение предыдущего и производство нового критического знания требует особой работы. Напоминая об этом, настоящие размышления надеются стимулировать поиск новых дорог, по которым нам предстоит пройти, подобно тому, как наши предшественники сумели проложить новые пути.

Литература:

Boltanski, Luc/ Chiapello, Eve (2005): *The new spirit of capitalism*, trans. Gregory Elliott, New York.

Bourdieu, Pierre (1989): “The Corporativism of the Universal. The Role of the Intellectual in the Modern World,” *Telos* No 81, 99-110.

Demirovic, Alex (1999): *Der nonkonformistische Intellektuelle*, Frankfurt am Main

Foucault, Michel (1977): “The Political Function of the Intellectual,” trans. Colin Gordon, *Radical Philosophy* 17, 12-14.

Horkheimer, Max/Adorno, Theodor W. (1946): [Rettung der Aufklärung. Diskussion über eine geplante Schrift zur Dialektik], in *Gesammelte Schriften*, Frankfurt am Main 1985.

Horkheimer, Max/ Adorno, Theodor W. (2002): *Dialectic of Enlightenment. Philosophical Fragments*, trans. Edmund Jephcott, Stanford. Хоркхаймер Макс, Адорно Теодор В., Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Пер. с немецкого М. Кузнецова. М.; СПб., Медиум, Ювента, 1997.

Kaindl, Christina (2005): Vorwort, in: Kaindl (ed.), *Kritische Wissenschaften im Neoliberalismus. Eine Einführung in Wissenschafts-, Ideologie- und Gesellschaftskritik*, Marburg

O'Connor, James (1988): “Capitalism, Nature and Socialism: A Theoretical Introduction,” *Capitalism, Nature and Socialism* 1 (1): 11-23.

Tjaden, Karl Hermann (2006): “Voraussetzung, Gegenstand und Ziel kritischer Gesellschaftswissenschaft,” in: Stephan Moebius, Gerhard Schäfer (eds.), *Soziologie als Gesellschaftskritik. Wider den Verlust einer aktuellen Tradition*, Hamburg

Данное эссе является заключительной частью более обширной версии, опубликованной в

Kurswechsel 4/2005 и в приложении к журналу *Sozialismus 7/8, 2006*.

---

[1] Эти изменения имеют большие последствия для профсоюзного движения, которое, на мой взгляд, пока отнеслось к ним недостаточно серьезно, хотя и сталкивается с ними – особенно в сфере экономики – уже на протяжении некоторого времени. Ведь в последние десятилетия профсоюзы могли полагаться на социально критическое знание, полностью доступное им, как нечто само собой разумеющееся, благодаря критически настроенным ученым и исследователем. Даже когда это знание нуждалось в финансовой поддержке, иными словами, было недоступно в качестве свободной общественной собственности, имелись хорошо подготовленные ученые. Сегодня ситуация уже иная. Это делает профсоюзное движение более зависимым от господствующего – и дорогостоящего – знания экспертов; а там, где оно вызывает недоверие, возникает опасность интеллектуального самоограничения. Стратегические дискуссии становятся недолгими и теряют комплексность. То же самое относится и к левым контекстам. Начиная с 1960-х, они питались постоянным обменом научного знания и кадров с университетом. То, что на протяжении долгого времени являлось преимуществом, может

обернуться препятствием, так как университет был цитаделью для немецких левых после 1968-го. Потеряв эту цитадель, левые понесут непропорциональный ущерб. Критика капитализма может откатиться на стадию морализаторства и благих намерений. Левые будут ослаблены отсутствием широкого горизонта научно систематизированного знания.

---

[i] Олимпия де Гуж (Olympe de Gouges, 1748–1793) – французская "проматерь феминизма", автор «Декларации прав женщины и гражданки». Во время Великой французской революции была участницей якобинских клубов и собраний. Была казнена в октябре 1793 г. – Прим. ред.

[ii] Мери Уолстонкрафт (Mary Wollstonecraft, 1759–1797) – известная английская феминистка, преподавательница и литератор, мать известной писательницы Мери Шелли, жена журналиста-анархиста и атеиста Уильяма Годвина. – Прим. ред.

[iii] Вильгельм Вейтлинг (Wilhelm Weitling, 1808–1871) – деятель раннего немецкого рабочего движения, один из теоретиков так называемого уравнительного коммунизма. – Прим. ред.